

К.А. Свасьян

Открытое письмо Дитриху Раппу

Опубликовано в базельском ежемесячнике
«Der Europaer», Jg. 8, Nr. 12 за декабрь 2004 года.

Дорогой господин Рапп¹,

я позволяю себе обратить Ваше внимание на упущение, не оставшееся для меня незамеченным по прочтении интервью с Адольфом Мушгом в «Гётеануме» от 13 июня 2004 года. Наверное, Вы сами решите, было ли это небрежностью или умыслом Вашего сотрудника, который на протяжении всего достаточно долгого разговора так и не удосужился вспомнить сам и напомнить своему собеседнику, что место, где они находятся и ведут беседу, — всё-таки *антропософский еженедельник*. Мне, во всяком случае, кажется более чем странным, когда сотрудник антропософской газеты берет интервью у «одного из наиболее значительных швейцарских авторов современности» (как я узнал об этом из редакционного предуведомления) и ухитряется при этом не спросить его о его отношении к антропософии.

Можно оставить в стороне вопрос, насколько содержательны (или как раз несодержательны) рассуждения господина Мушга на затронутые в беседе темы. Худо ли, хорошо ли, но он отвечает на вопросы, которые ему задаются, и если он ни словом не упоминает антропософию, то оттого лишь, что его о ней не спрашивают. Похоже, сотрудник редакции полагал, что мнения Мушга об искусстве и науке, атомах и вселенных, культуре, политике, Европе и даже — с оглядкой на его японскую жену — буддизме больше заинтересуют читателей «Гётеанума», чем то, что он мог бы сказать об антропософии. Будем надеяться, что я не единственный читатель Вашего еженедельника, который придерживается противоположного взгляда. То, что у некой важной персоны современности берут интервью для антропософского «Гётеанума» и сознательно или подсознательно избегают вопроса о её отношении к антропософии, кажется мне не менее нелепым, чем если бы ей задали этот вопрос в интервью для, скажем, *Советов хозяйке* или *Смастери сам*.

При этом приходится думать не столько о профессиональной пригодности, сколько о *карме*. Допустив, что помимо антропософов есть еще и антропософия, напрашивается следующее соображение: антропософы или неантропософы, мы стоим, едва очутившись в смысловом поле антропософии, под знаком некой специфической кармы. То, что мы даже и не подозреваем об этом, лишь сильнее подчеркивает неоспоримость стояния — по аналогии с болезнями, которые незаметно назревают в нас, пока мы радуемся жизни. Как антропософ, я могу знать, что Адольф Мушг, после того как он соблаговолил появиться на страницах антропософского еженедельника, попал в сферу действия некой кармы, соль которой, между прочим, заключается в том, что он, вероятнее всего, посчитал бы это знание полной чужью. Антропософскому модератору пристало бы позаботиться о таких вопросах, ответы на которые отвечали бы не критериям занимательности и кампанейства, а обнаруживали бы *карму*. Какое мне, читателю Вашего еженедельника, дело до самодовольной болтовни Мушга, если один из «самых значительных швейцарцев современности», находясь на антропософской территории, с такой же невозмутимостью молчит об антропософии, с какой молчит о ней его антропософский собеседник!

Хороший интервьюер, как я думаю, — тот, кто (учтиво и корректно) расставляет ловушки, в которые попадают затем «важные персоны современности». Причем делает это не коварно, а предупредительно, как бы говоря: *осторожно, ловушка!* и наблюдая при этом, как её обходят. «Важной персоне» предоставляется шанс лишний раз убедиться самой и убедить других в своей важности. Ничего другого не нужно от этого (как, по-видимому, и от прочих) интервью и Адольфу Мушгу. Временами он дает даже понять, что ему хотелось бы чего-то более соленого и поперченного, но собеседник его, увы, предпочитает оставаться при своих малокалорийных вопросах. Это и называю я, с позволения, упущенным антропософским шансом. Господина Мушга угораздило даже к концу беседы сжать свою «жизненную мечту» до выразительной формулировки, вынесенной редакцией в заголовок: «Мне хочется, — говорит Мушг, — научиться быть действительным там, где я нахожусь». И поскольку его собеседнику нечего сказать на это, он иллюстрирует свою мечту сам. Пример изящен и не лишен жеманства: «Быть присутствующим, как кошка на стуле, — милость, которой лишены большинство людей». Не знаю, как с милостью, но вот насчет *перчатки вызова* у меня нет никаких сомнений! И раз уж перчатка брошена на антропософской территории, трудно отказать себе в удовольствии поднять её. В моей (воображаемой и антропософски отредактированной) версии разговора сказавший это оказывается пойманным на слове. Мушг: «Мне хочется научиться быть действительным там, где я

нахожусь». Реплика, напрашивающаяся, как щелчок: Вот Вы как раз и находитесь на антропософской территории! Вам, что, в самом деле хочется НАУЧИТЬСЯ быть здесь действительным?

Допустив, что вовсе не обязательно равняться на кошку, чтобы снискать себе милость быть присутствующим...

P.S. Дорогой господин Рапп. В свое время мне довелось прочитать в «Гётеануме» Вашу заметку на смерть Эрнста Юнгера. Это был краткий пересказ Вашей беседы с легендарным сверстником века. И вот же, Вы не упустили возможности спросить автора «Авантюрного сердца» о его отношении к антропософии (как я помню, в связи с Гёте, в духе которого, несомненно, *могла бы* произойти встреча Юнгера с Рудольфом Штейнером). Его ответом было молчание. (Кажется, на Ваш вопрос остро и отрицательно отреагировала его жена.) Он же предпочел молчание. Нет сомнения, что это молчание займет место в будущих историях литературы и юнгеровских биографиях. Молчание Эрнста Юнгера, в последний вечерний час его жизни, перед Рудольфом Штейнером, которое стало возможным благодаря одному вовремя поставленному вопросу.

С сердечным приветом

Базель, 15 июня 2004 года

Примечания

1 Редактор еженедельника «Das Goetheanum» в Дорнахе.